

- Структура иронического
- Исследование религиозности в Беларуси: кроссконфессиональный подход
- Идея повседневности как основание нравственного поиска личности
- Онтология личности в художественной литературе на рубеже XX—XXI веков

УДК 7.01

Структура иронического

Е. В. Беляева, кандидат философских наук, доцент*

Ироническое рассматривается как философская категория и культурная универсалия. Различаются понятия ироничного как субъективного отношения и иронического — характеристики, объективно присущей феномену иронии. Ироническое отношение образуется в самой реальности в результате самовывявления смысла ситуации. Структура иронического как объективного отношения, возникающего в диалектике процессов и явлений, предполагает выявление соотношения явного и скрытого в противоречивых слоях смысла, в результате которого конституируется коммуникативный иронический субъект. Выявление этой структуры в различных феноменах современной культуры будет способствовать их адекватной интерпретации.

Ключевые слова: ирония; ироническое отношение; диалектика; смысл.

Structure of the Ironical

E. V. Belyaeva, PhD in Philosophy, Associate Professor

The ironical is considered as a philosophical category and cultural universals. Different concepts of ironic as subjective attitude and ironical — the characteristic which is objectively intrinsic to phenomenon of irony. The ironical relation is forming in the reality itself as a result of self-revealing of sense of a situation. The structure of the ironical as objective relation arising in the dialectic processes and phenomena is determined by presence of contradictory layers of sense in which the understanding of the relation between the obvious and latent sense causes the communicative ironical subject. Identification of this structure in various phenomena of contemporary culture will contribute to their adequate interpretation.

Keywords: irony; ironical relation; dialectics; sense.

Возросшее за последнее десятилетие количество публикаций по теме иронии — только косвенное подтверждение актуальности проблематики, связанной с этой категорией, которая разрабатывается сразу в нескольких научных дисциплинах — в философии, эстетике, литературоведении и лингвистике. Главная причина такой активизации исследовательского интереса — это специфический «паниронизм» современной культуры, ожививший интерес к сократической, романтической, экзистенциалистской, постмодернистской и другим трактовкам природы иронического.

Словарные определения иронии [1] как «притворства» (др. греч. *eironēia*), «осмеяния» (Большой энциклопедический словарь), «насмешки» (С. И. Ожегов), «похвалы, которая хуже брани» (В. И. Даль), относятся к обыденному языку и мало применимы в научном дискурсе. Но если рассматривать иронию как общефилософскую категорию и культурную универсалию, можно пока-

зать, что это феномен, имеющий не только эстетический, но онтологический, гносеологический и аксиологический контексты функционирования.

Широкое толкование иронии наличествует и в историко-философской традиции, и в современных исследованиях, в которых ирония трактуется как образ жизни и жизненная позиция [2, с. 121], способ жизни [3, с. 139], образ действия [4, с. 43; 5, с. 127], тип мировоззрения [6, с. 131], экзистенциал человеческого бытия [7, с. 15]. Потенциал данной категории стал все больше проявляться в самых различных областях знаний. Определение иронии остается сложной научной проблемой, в особенности общее ее определение, объединяющее все многочисленные ее способы и сферы проявления. «Может быть, основная проблема, которая встает при описании области иронического, — это нехватка в естественном (обыденном и научном) языке понятий и слов, достаточно общих, чтобы схватить и отразить то интуитивно ясно

* Доцент кафедры философии культуры ФФСН БГУ.

ощущаемое общее, что имеет место в различных видах иронии» [8, с. 340]. Кажется, что эта категория в силу самой своей природы иронично ускользает от определения, а каждая из формулировок намекает на свою неистинность и отсылает к другой формулировке-маске.

Наряду с понятием иронии в литературе употребляются также понятия «ироничное» и «ироническое», которые при всем сходстве значений имеют существенные различия. Ироничный — насмешливый, выражающий субъективное отношение к ситуации. Иронический — присущий иронии, характеризующий ее как объективно существующий феномен. Поэтому понятие «ироническое» употребляется в словосочетаниях терминологического характера, представляет форму понимания природы иронии и является более удобным предметом научного анализа, чем слишком широкое понятие «ирония».

В данной статье предполагается выявить универсальную структуру иронического, которая может послужить основой для обнаружения и интерпретации данного феномена в различных предметных областях. Ироническое возникает в самой реальности в результате объективного самовыявления смысла ситуации, первоначально не зависящего от эмоций и оценок индивидуального субъекта. Опираясь на имеющиеся в философской литературе определения, можно сказать, что «ироническое» предполагает:

- 1) наличие *слоев*;
- 2) *противоречивых* слоев;
- 3) *противоречивых* слоев, *один из которых явный, а другой — скрытый*;
- 4) *противоречивых* слоев *смысла*, *один из которых явный, а другой — скрытый*;
- 5) *выявление соотношения* явного и скрытого в *противоречивых* слоях *смысла*, в результате которого конституируется *коммуникативный иронический субъект*.

Первый элемент структуры иронического — *слой* — ассоциируется с плоскостью, обширностью, обозримостью, поверхностью и поверхностностью, а также подразумевает наличие и других слоев, их множественность, слоистость. В этом плане ироническое — это один из способов фиксации множественности мира, а также утверждения ценности этой множественности. Так, даосизм полагает «ироническое» онтологической характеристикой мира, где бесконечные превращения вещей указывают на ускользающую глубину Дао; считает принцип плюрализма онтологически значимым, подчеркивающим многообразие и богатство бытия.

Ироническая множественность представляет собой также и гносеологическую ценность. «Иро-

ния, — пишет В. Янкелевич, — заключается в том, чтобы охватить объект со всех сторон, определить его, собрав как бы антологию всех его признаков» [9, с. 21]. «Ирония ... всеобъемлюща, — продолжает И. И. Гарин, — в ней срачивается не одна, а множество истин, она — многолика искательница истины» [10]. В этом смысле ирония как метод познания оказывается адекватной ироническому в самом бытии.

Однако вряд ли уместно думать о всякой множественности как иронической. Как отмечалось выше, для возникновения иронического некое множество должно быть расположено целостными слоями, а не мозаичными фрагментами, лежащими в одной плоскости, подобно паззлу. Такое расположение одного над другим, иерархия слоев, задает глубину иронического бытия и иронического мышления. Не случайно Ж. Делез характеризовал иронию как искусство глубины и высоты, в отличие от юмора как искусства поверхности [11, с. 24]. Ирония (в отличие от юмора) не бывает «плоской». Так, не всякая множественность является иронической, но та, которая обладает вертикальной ориентацией и направленностью; а поскольку элементы этого множества — плоскости, то целое оказывается скользящим, объемным, нелинейным.

Понятийное поле иронического подразумевает именно многослойность, а не пару изолированных слоев (явного и скрытого), которая чаще всего рассматривается в узко эстетическом или лингвистическом аспекте. В философском же контексте ироническое раскрывается как феномен, образованный уходящими в глубину бесконечными слоями смысла. «Ироническое мировоззрение ... предполагает осознание личностью принципиальной незавершенности бытия» [6, с. 131]. Ироническое оказывается способом постижения многообразного и незавершенного скрытого смысла и обретения истины в невыразимой глубине этих слоев. В этом плане ирония выступает как мистический опыт, как способ получения ответа на вопросы без ответа [12, с. 296]. В результате при философском осмыслении феномена иронии она напрочь лишается налета насмешки, ибо ее предназначение становится другим. Как показала И. В. Черданцева, не только в даосизме ирония выступает способом познания абсолюта Дао, сокровенная тайна которого раскрывается лишь иронически. Аналогичным образом ирония оказывается способом постижения непостижимого в апофатической религиозной концепции С. Л. Франка [13, с. 43]. Исследовательница полагает, что эффективное применение иронии в философском учении происходит бла-

годаря вниманию этого учения к непостижимому (трансцендентному, бесконечному и т. п.).

Итак, ироническое предполагает уходящую в глубину многослойность, без которой невозможно приближение к тому абсолюту, который и является фундаментальным предметом философии.

Второй элемент структуры иронического — *противоречие* — делает его диалектической категорией, позволяющей осмыслить процесс развития. Диалектика выступает как универсальная теория развития, для которой противоречие, в т. ч. ироническое, является не только свойством высказываний или аспектом познавательного процесса, но и свойством объективной реальности.

Наиболее известными проявлениями «объективной иронии» могут считаться «ирония истории» и «ирония судьбы». Если «ирония истории» регулярно развенчивает ложную значительность политических субъектов и выявляет относительность их замыслов, то «ирония судьбы» состоит в иллюзорности представлений человека о себе как хозяине своей жизни, в ложности всякой нарративной автобиографии. Классическая философия полагала, что у истории есть глубинный «подлинный смысл», который человеческое познание может в той или иной степени постичь. Эти идеи, в свою очередь, восходят к мифологическим представлениям о «книге судеб», где от века содержатся не только предначертания событий человеческой жизни, но и их «объективный смысл». Но поскольку этот смысл превосходит частное относительное разумение, «ирония истории» так или иначе сказывается на тех авторах, которые претендуют на окончательное суждение по этому поводу. И чем более пафосным является высказывание по поводу «истинной цели истории», тем жестче оказывается насмешка исторической реальности над судьбой данного высказывания.

В этих рассуждениях об онтологической иронии и судьба, и история выступают, с одной стороны, как объективные, независимые от субъекта. С другой стороны, история и судьба полагаются как персонализированный Дух, как некие метасубъекты, способные «посмеяться» над более частным и незначительным субъектом — человеком. Если избегать одухотворения анонимных процессов развития, то объективная ирония в виде «иронии истории» и «иронии судьбы» суть выражение слабости человека перед мощью сил этого мира, которые имеют смысл. Человеческие же деяния и судьбы в их частном выражении по большому счету смысла не имеют и обретают его за счет причастности к каким-либо объективным закономерностям.

Это классическое понимание проблемы постепенно обнаружило свою внутреннюю иронию.

Альтернативу ему составило понимание иронии не как разоблачения частного субъекта в контексте объективного процесса, а как саморазоблачения некоего явления; трактовка иронии как процесса самоотрицания. Такого рода подход был представлен в советской философской литературе. Э. В. Ильенков писал, что «диалектическая ирония выражает в словесном плане, на экране языка, вполне объективный (то есть от воли и сознания не зависящий) процесс превращения вещи в свою собственную противоположность» [14]. В «Философском энциклопедическом словаре» 1983 года ирония определялась как «категория, характеризующая процессы отрицания, расхождение намерения и результата, замысла и объективного смысла» [15, с. 220]. При этом формулировки умалчивают о том, какие именно процессы отрицания являются ироническими и всякое ли превращение вещи в свою противоположность иронично.

В «Новой философской энциклопедии» говорится, что ирония — это «философско-эстетическая категория, отмечающая момент диалектического выявления (самовыявления) смысла через нечто ему противоположное, иное» [16]. Данное определение устанавливает статус иронии как категории диалектики, которая объединяет субъективную иронию высказываний и объективную иронию, присущую процессам развития. Здесь отмечается, что специфика иронического по сравнению с другими типами противоречия, другими видами отрицания состоит в том, что оно характеризует диалектику *смысла*. Даже если речь идет об объективных процессах, ирония как момент диалектического процесса развития относится именно к их смыслу.

Противоречие как элемент субъективной иронии присутствует в ироническом мышлении и в ироническом познании, в ироническом философствовании и в ироническом методе. Все эти аспекты выделены и эксплицированы в работах И. В. Черданцевой [13]. По ее наблюдению, антиномистический метод не только лежал в основе сократической иронии, но является составляющей иронического метода философствования в целом. Ирония как антиномистический метод познания непостижимого утверждает одновременное присутствие противоположных смыслов и удерживает эти противоположности без снятия.

Итак, ироническое возникает тогда, когда в результате процесса отрицания образуется противоречие смыслов, которые удерживаются без снятия, так как за первым отрицанием следует не только второе (отрицание отрицания), но и последующие слои отрицания. Этим ироническое ак-

центрирует внимание на вариативности процесса развития, в котором на каждой стадии отрицания актуализируется категория вероятности.

Третий элемент структуры иронического — наличие в феномене *явного и скрытого* слоев — восходит к древнегреческому языку, в котором слово *εἰροπεία* буквально означало «притворство». В иронии явный смысл противоречит скрытому, высказывание обретает противоположный смысл за счет необычного контекста, способ употребления высказывания противоречит прагматическим правилам его использования, наблюдается расхождение между провозглашаемым и реальным положением дел.

Притворство составляет эмоциональный аспект иронии, отличающий ее от чисто рационального осмысления противоречий. В результате эмоционально-волевого вовлечения субъекта в смыслы, открываемые иронически, они легко становятся мотивами его действий, провоцируют иронический образ жизни, иронию как «путь правильной жизни».

Суть иронического притворства, в отличие от притворства как обмана, притворства как безнравственной попытки выдать ложь за истину, состоит в том, что скрытое в процессе иронизирования должно быть выявлено. «Ирония рассчитана на понимание истинного смысла, она не скрывает истину, а выражает ее» [17, с. 221]. Таким образом, ирония выполняет герменевтическую функцию, способствует не только познанию, но и пониманию, раскрытию содержаний и смыслов в сознании субъекта.

Наличие скрытого, таинственно манящего смысла приглашает к совместному пониманию, предполагает компетентность собеседника, вовлечение его в приятную игру, укрепляет сообщество тех, кто понимает. «Среди факторов, обеспечивающих успешность иронического дискурса, необходимо отметить принадлежность коммуникантов к одной группе и адекватность участников иронического дискурса», — отмечает Балашов [18]. «Непременным условием реализации иронии является наличие у участников речевого акта одних и тех же ожиданий, которые были обмануты», — констатирует Лимарева [19, с. 12]. «Ирония основана на доверии к партнеру как равноправному по диалогу, способному догадаться о скрытом», — пишет В. Янкевич [9, с. 46].

В создании сообществ, которые спланируются на базе только им понятных тайн, проявляется коммуникативная функция иронии. Тайные общества ироников аристократичны по своей природе, в отличие от демократизма смеховых сообществ. Объединяющая тайна делает их сообще-

ством высших, задает смысловую иерархию, превознося тех, кто понимает подлинный смысл. Ирония способствует приближению к тайне, но не содержит никакого секрета, который следует утаивать от профанов, чтобы преградить им доступ в элитарное сообщество. Суть иронии не в том, чтобы скрывать информацию и обманывать непосвященных, а напротив, заманить в волшебное пространство подлинного смысла.

Итак, различие явного и скрытого смысла в структуре иронического лежит в основе герменевтической и коммуникативной функции иронии.

Четвертый элемент структуры иронического — *смысл* — является его сущностной характеристикой. Не просто игра противоречиями, не просто притворство и насмешка, но борьба за смысл делает иронию столь привлекательной. Скольжение между подлинными и мнимыми слоями в конечном счете указывает мысли направление на восстановление смыслообразования [7, с. 15]. Именно имманентная способность к смыслопорождению и смыслопередаче делает иронию интеллектуально и нравственно значимой. «Юмор, в отличие от иронии, не передает смысл, а разрушает его» [20, с. 243]. Ирония выступает способом самовыявления смысла, постижения чего-то, имеющего смысл, осмысления.

В «Новой философской энциклопедии» говорится, что «смысл — внеположенная сущность феномена, оправдывающая его существование, связывая его с более широким пластом реальности» [21]. Такое оправдание связывается с предназначением феномена, его местом в общем порядке вещей и событий, «смысл феномена связывает последний с целесообразной организацией мира» [21]. Приведенное определение позволяет выделить три ключевых момента, связывающих понятие «смысл» с понятием «ирония». Во-первых, для наличия смысла необходимо установление связей между двумя слоями: феноменом и его сущностью, феноменом и его предназначением, феноменом и его ценностью для субъекта. Во-вторых, речь идет о феномене как явленном в противоположность скрытому. Смысл выявляется именно у феноменов, т. е. предметов рассмотрения, сущность которых нуждается в прояснении. В результате поиск смысла предстает как чисто ироническая методика открытия внеположенной сущности за гранью видимости. А если учесть, что в ироническом отношении наряду с чем-то явным, имеющим смысл, присутствует нечто скрытое, имеющее еще более глубокую внеположенную сущность, то иронический процесс позволяет максимально углубиться во все многообразие смыслов объекта: смысла его как феномена и да-

лее — смысла его сущности. Лингвистика давно зафиксировала разницу между единственностью значения как объема понятия и множественностью смыслов в содержании понятия, поэтому его полный и глубокий смысл постигается только иронически. В-третьих, следует обратить внимание на слово «оправдание», задающее рассмотрению аксиологический контекст, в котором раскрываемые смыслы имеют ценность, значимость для субъекта. Эти «внеположенные сущности» оказываются для него дороже всех прекрасных феноменов на свете, задают направление его сознанию и деятельности. Ироническое отношение, вскрывая смыслы и борясь за них, выступает как ценностное отношение.

Пятый элемент структуры иронического — *коммуникативный субъект* — конституируется в результате *выявления соотношения* явного и скрытого в противоречивых слоях смысла. Объективное соотношение смыслов явления яснее всего обнаруживается в момент его неустойчивости, расслаивания слоев, в точке бифуркации, определяющей динамику этого явления. Однако именно в коммуникации субъектов это соотношение приобретает статус иронического, одновременно определяя специфические характеристики иронических субъектов.

Коммуникативная природа иронического субъекта раскрывается чаще всего применительно к человеческому общению. Феномен иронического возникает, когда соотношение явного и скрытого смыслов не только выявлено, но и сообщено. Поэтому полноценная ирония предполагает зрителей—слушателей—читателей, к которым обращено ироническое послание (пусть это даже сам иронизирующий субъект). В этом аспекте исследование иронического переходит в плоскость анализа его языковой природы, его проявлений в различных языках и дискурсивных практиках. Кроме того, в процессе коммуникации ироническое противоречие смыслов затрагивает экзистенциальную структуру субъекта, поэтому они не только фиксируются в понятиях, но и переживаются эмоционально. Именно в этом аспекте ирония может проявляться как усмешка, а то и насмешка.

Однако важно отметить коммуникативную природу не только *ироничного* субъекта, но и коммуникативную природу объективного *иронического* отношения, которое возникает не в силу насмешливости субъекта, а образуется в результате коммуникации действующих сил. Архетипическими примерами объективного иронического отношения выступают все те же «ирония истории» и «ирония судьбы». Сами по себе история и судьба

не наделены сознанием и волей, не подшучивают над человеком, их ироническая природа обнаруживается лишь в контексте человеческой деятельности, противостоящей неодолимо влиянию онтологических процессов. Коммуникация мира и человека, в которой последний осознает свое двойственное место в бытии и двойственный смысл всех проявлений бытия, конституирует человека как иронического субъекта и одновременно возводит безличные силы в ранг иронических субъектов — Судьбы и Истории.

В онтологическом плане ироническое выявляет неабсолютный статус субъекта. Объективная диалектика бытия, слои которого имеют противоречивые, постоянно меняющиеся и ускользающие смыслы, указывает любому субъекту на границу его бытия.

В гносеологическом плане иронический субъект выступает как носитель личностного знания, знания-понимания. Возникающий в структуре иронического субъект оказывается способным осознать непостижимую сложность мира. Переход от непонимания к пониманию происходит внезапно и трансгрессивно и дарует познающему душевную радость. Одновременно ироническое понимание открывает неизбежную противоречивость и неустранимую обманчивость мира, выявляя таким образом относительность познавательных способностей субъекта.

В аксиологическом же плане иронический субъект возвышается над ситуацией за счет способности понимать подлинное соотношение смыслов и подлинную иерархию ценностей. Ироническое фиксирует превосходство и победу ироника, утверждающего смысл над бессмыслицей неироничной действительности, над ложью или наивностью неиронического субъекта. Если в аксиологическом и гносеологическом аспектах ироническое возвышает субъекта, то в онтологическом оно его принижает, что является очередным противоречием смыслов, порождающим самоиронию как обязательную характеристику иронического субъекта.

Представленная структура позволяет очертить онтологические, гносеологические и аксиологические контексты философского представления об иронии, а выявление этой структуры в различных феноменах современной культуры будет способствовать их адекватной интерпретации. Структура иронического как объективного отношения, возникающего в диалектике процессов и явлений, предполагает выявление соотношения явного и скрытого в противоречивых слоях смысла, в результате которого конституируется коммуникативный иронический субъект.

Список цитированных источников

1. Ирония // Яндекс. Словари [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://slovari.yandex.by>. — Дата доступа: 10.02.2014.
2. Коновалова, О. А. Функциональная трансформация иронии в эпоху постмодерна / О. А. Коновалова // Грамота. — 2011. — № 1(7). — С. 120—122.
3. Бралгин, Е. Ю. Этика смеха / Е. Ю. Бралгин. — Томск, 2003.
4. Осиновская, И. А. Ирония и Эрос. Поэтика образного поля / И. А. Осиновская. — М., 2007.
5. Пигулевский, В. О. Символ и ирония: Опыт характеристики романтического мирозерцания / В. О. Пигулевский, Л. А. Мирская. — Кишинев, 1990.
6. Стригунов, А. И. Ирония в структуре мировоззрения / А. И. Стригунов // Диалектика форм и уровней общественного сознания: межвуз. сб. науч. ст. — Барнаул, 1988. — С. 118—132.
7. Гейко, С. И. Иронія як культурна універсаль: філософський аналіз : автореф. дис. ... канд. філол. наук: 09.00.04 / С. М. Гейко; Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова. — Київ, 2007.
8. Шатуновский, И. Б. Ирония и ее виды / И. Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М., 2007. — С. 340—372.
9. Янкевич, В. Я. Ирония. Прощение: пер. с фр. / В. Я. Янкевич; послеслов. В. В. Большакова. — М., 2004.
10. Гарин, И. И. Пророки и поэты. Франция. Смех / И. И. Гарин // Литература Средних веков и Возрождения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/garin-franciya/smeh.htm>. — Дата доступа: 14.01.2013.
11. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез. Фуко, М. *Theatrum philosophicum* / М. Фуко. — М.; Екатеринбург, 1998.
12. Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1988. — Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. — С. 28—309.
13. Черданцева, И. В. Иронический метод философствования и его репрезентация в концепте «Я-философ-ироник»: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01 / И. В. Черданцева; Тюмен. гос. ун-т. — Тюмень, 2009.
14. Ильенков, Э. В. Так кто же мыслит абстрактно? / Э. В. Ильенков // Читай Ильенкова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://caute.ru/ilyenkov/tra/denkabc.html>. — Дата доступа: 21.01.2013.
15. Философский энциклопедический словарь. — М., 1983.
16. Михайлов, А. В. Ирония / А. В. Михайлов // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/1287.html>. — Дата доступа: 20.01.2013.
17. Ермакова, О. П. Ирония — ложь — шутка / О. П. Ермакова // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М., 2007. — С. 219—229.
18. Балашов, С. Н. Взаимодействие когнитивных карт в ироническом дискурсе / С. Н. Балашов // Общетеоретические и практические проблемы языкознания и лингводидактики: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 27—28 апр. 2006 г. // Уроки, документы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-77581.html?page=4>. — Дата доступа: 14.01.2013.
19. Лимарева, Т. Ф. Функционально-семантический анализ сущности иронии (на материале англ. и рус. языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19; 10.02.20 / Т. Ф. Лимарева; Куб. гос. ун-т. — Краснодар, 1997.
20. Козинцев, А. Г. Юмор: до и после иронии / А. Г. Козинцев // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М., 2007. — С. 238—253.
21. Шрейдер, Ю. Смысл / Ю. Шрейдер // Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/2768.html>. — Дата доступа: 07.01.2015.

Дата поступления в редакцию: 06.02.2015 г.